

В. Г. Тур\*

## ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЫМУ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

**Аннотация.** Вследствие присоединения Крыма к России в 1783 г. возникла проблема мирной интеграции населения в правовое поле империи. Учитывая, что для полуострова конца XVIII — первой половины XIX в. характерно доминирование общин так называемых религий «иностранныго вероисповедания», от поиска удачных законодательных решений в области государственно-конфессиональных отношений во многом зависели мир и благополучие на полуострове.

В числе первых актов 1783 г., заложивших основу межэтнического и межконфессионального мира, были Манифест Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны, под Российскую державу» и Указ именной, данный Новороссийскому генерал-губернатору князю Потемкину «О принятии крымских жителей и прочих татарских народов в российское подданство». Фактически все дальнейшие акты были направлены на выполнение данных гарантий, совершенствование государственно-конфессиональных отношений на полуострове. Важным документом, систематизировавшим различные акты, касающиеся деятельности неправославных религиозных организаций в России, стали «Уставы духовных дел иностранных исповеданий» Николая I.

В итоге через религиозно-общинные органы самоуправления, действовавшие в контакте и под контролем губернских структур управления, сохранение традиций и обычаев, целый ряд мероприятий, направленных на экономическое и культурное развитие полуострова, властям империи удалось добиться в Крыму не только мира и согласия, но и преданного служения подданных престолу.

Статья посвящена исследованию государственно-конфессиональных отношений в Таврической губернии.

**Ключевые слова:** Российская империя, Крым, религиозные организации, правовое положение, общины иностранного вероисповедания, законодательство.

**DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.152-167**

В отечественной научной литературе вопросу государственно-конфессиональных отношений в России XVIII — XIX вв. посвящено немало исследований. Однако большинство из них ограничены характеристикой правового положения православной церкви. Что касается религиозных общин «иностранныго исповедания», то их правовой статус в лучшем случае иллюстрируется в рамках исследований истории многочисленных народов

империи. Если в период Средневековья формирование государств шло по этническому признаку и во многом было взаимосвязано с установлением доминирования той или иной религиозной конфессии в регионе, то XVII — XIX вв., т.е. период начала буржуазных преобразований, непосредственно связанных с экономическими интересами, поставили вопрос конфессиональный в прямую зависимость от государственных интересов. В итоге между

© Тур В. Г., 2018

\* Тур Виктор Григорьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заслуженный работник образования Республики Крым, доцент кафедры теории и истории права и государства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия  
vgtur@mail.ru

295006, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, д. 5, кв. 310

странами Западной Европы и Россией исторически оформились существенные различия в государственно-конфессиональной сфере деятельности. В настоящей статье мы предполагаем исследовать на материалах Крыма конца XVIII — первой половины XIX в. один из аспектов проблемы формирования государственно-конфессиональных отношений в условиях доминирования религиозных общин «иностранный исповедания». При этом следует отметить, что данная проблема достижения межэтнического и межконфессионального мира на полуострове не потеряла своей актуальности и в настоящее время.

Западноевропейские государства, сформировавшиеся в рамках надгосударственного религиозного образования — католической церкви, столкнулись с внутренними межконфессиональными проблемами не ранее XVI в., когда стремление освободиться от папской опеки совпадало с укреплением влияния светских институтов, новых элит, часто опиравшихся идеологически на религиозные противоречия, приведшие к возникновению и расширению влияния протестантских направлений и серьезным революционным потрясениям в XVII—XIX вв. Осознание неизбежности того, что католической церкви придется пересмотреть свое отношение к вопросам государственно-конфессиональных отношений, послужило причиной возникновения идей веротерпимости, идей, впервые оформленных в трудах Джона Локка, получивших продолжение в произведениях Ф. М. Вольтера и других «вольнодумцев» XVII—XIX вв.<sup>1</sup>

В то же время конкордат Наполеона с папой Пием VII 1801 г., по которому католицизм был объявлен религией большинства во Франции, усиление влияния католицизма и активизация униатской церкви в Польше, превращение лютеранства и кальвинизма в доминирующие религии Германии XIX в. подчеркивало, что идея единства государства, нации и церкви не потеряла своего значения. В частности, даже к последователям достаточно распространенного в Европе иудаизма отношение европейцев XVIII—XIX вв. оставалось предосуди-

тельным. Фактически религиозные общины официально сохранились только в Англии, Голландии, Польше и отдельных землях Германии. Во многих странах иудеи оказались в положении гонимых. Оставалось терпимым отношение к православию, которое не имело существенного влияния в Западной Европе. Что же касается ислама, религиозных общин национальных меньшинств, неорелигий, то в XIX в. их права на свободное вероисповедание вообще игнорировались. Традиционно вопрос о веротерпимости европейцев в отношении нехристиан возникал только в связи с ростом колониального господства в регионах Ближнего Востока, Индии, Африки, где открытая борьба с исторически сложившимися традиционными религиями не позволила бы выстроить отношения с местными национальными элитами и закрепить свое политическое и экономическое влияние.

В то же время Российское государство унаследовало от средневековой Византии не только православие как цементирующий идеологический фактор, но и принципы построения многоэтничного, многоконфессионального государства, для которого религиозная терпимость являлась основой целостности и могущества<sup>2</sup>. У России, находящейся в центре Евразии, на пересечении культур Запада и Востока, не существовало иного пути развития. В отличие от Западной Европы, где государства были замкнуты в рамках одного или нескольких близких по культуре этносов, расширение границ России в XVIII—XIX вв. требовало не только формирования веротерпимости как мировоззрения в обществе, но и закрепления ее законодательно. Российская империя изначально, с момента своего формирования, рассматривала вновь присоединенные окраинные территории как единое целое в государстве, а не отдаленные покоренные колонии. Следовательно, и выстраивала здесь долговременные отношения, приспособив работу управленческого аппарата, законодательство к особенностям быта, культуры многочисленных народов, включая национальные меньшинства. Наиболее показательным в части государ-

<sup>1</sup> Локк Дж. Послание о веротерпимости. 1686 // Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. 668 с. С. 91—134 ; Вольтер Ф. М. Трактат о терпимости. М. : Эксмо-Пресс, 2016. 128 с. ; Он же. Статьи из «Философского словаря» // Вольтер. Философские сочинения. / пер. с фр. ; Ин-т философии. М. : Наука, 1996. 560 с.

<sup>2</sup> Нетерпимость на рубеже XVIII—XIX вв. в силу ряда политических особенностей проявлялась только в отношении раскольнических общин, противопоставлявших себя государственной православной церкви — молокан, хлыстов, духоборцев, жидовствующих, адвентистов и пр.

ственно-конфессиональных отношений стал Крымский полуостров, вошедший в состав Российской империи в 1783 г.

Конфессиональная структура Крыма рубежа XVIII—XIX вв., т.е. времени юридического оформления полуострова в составе русского православного государства, остается малоизученной темой. В этот период закладываются основы особенностей государственно-конфессиональных отношений на территории приобретенного края. Причем, в отличие от исторических территорий России, в Крыму конфессиональная структура накладывалась на этническую.

К 1783 г. и в последующие десятилетия на полуострове сформировалось десять основных этноконфессиональных общин, а том числе наиболее крупные и влиятельные мусульманская и грекоправославная Константинопольского патриархата. Причем обе данные общины по составу, несмотря на некоторую этническую окраску, отражавшую исторические условия их формирования, в силу особенностей вероучения включали в себя представителей многочисленных народов, населявших полуостров.

Православная церковь в Крыму была представлена первоначально греческим населением, в меньшей степени потомками готов, болгарами и выкрестами, перешедшими в православие из других религий. Канонически была связана через Константинопольский патриархат с Русской православной церковью. Потери христианского населения, связанные с выселением в 1778 г., постепенно возмещались в результате поощряемой греческой и болгарской эмиграции и расселения добровольцев, участвовавших в русско-турецких войнах на стороне Российской империи<sup>3</sup>.

После ликвидации Готской епархии Константинопольского патриархата православные общины вошли в структуру Московской патриархии. Единство религиозных догматов и правил литургии беспрепятственно обеспе-

чили религиозным общинам преимущества и защиту государства. Русская православная церковь подчеркивала свое единство с православным миром, крещение в Херсонесе и, как следствие, обосновывала историческую справедливость присоединения полуострова к России<sup>4</sup>. Если в 1783 г. численность православных христиан составляла 27 412 чел, то к 1897 г. выросла до 269 487 человек (49,3 %) <sup>5</sup>.

Одновременно, выделяется ряд религиозных организаций, имеющих четко выраженную этническую принадлежность. К их числу можно отнести Мусульманскую умму, Армянскую Апостольскую церковь, Армяно-Католическую, Иудейскую, Караимскую и Крымчакскую<sup>6</sup> общины. Католическая община была представлена преимущественно немцами, австрийцами, поляками и представителями других европейских народов. В связи с политикой активного переселения в Крым немцев и швейцарцев весомую долю в конфессиональной структуре составили протестанты, представленные евангельско-лютеранской общиной и реформаторами. Представители иных более мелких религиозных течений в исследуемый период, были столь малочисленны, что не влияли на культурное развитие края.

Первые статистические сведения по Крыму позволяют охарактеризовать соотношение населения по конфессиональному признаку. В городах и уездах Крымского полуострова, входившего в состав Таврической губернии, в 1803 г. насчитывалось около 188 тыс. жителей обо-его пола, в том числе иноверцев — 88,8 %. Из их числа — большинство мусульмане (80,5 %). В 1849 г. численность населения, включая жителей г. Севастополя, как мы уже отмечали, несколько выросла за счет переселенцев и естественного прироста, составив 339 644 человека без учета военнотружущих гарнизонов<sup>7</sup>. Процент иноверцев в соотношении снизился до 70,8 %. Из них по-прежнему доминирование (66,7 %) сохраняется за мусульманами. Римско-католики (включая армяно-римско-католиков)

<sup>3</sup> Сафонов С. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы : исторический очерк // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 205—236.

<sup>4</sup> Тур В. Г. Крымские православные монастыри XIX — начала XX в. Киев : Сталос, 2006. С. 85—86.

<sup>5</sup> Родионов М. Статистико-хронологическое описание Таврической епархии : общий и частный обзор. Симферополь, 1872. С. 70 ; Таврическая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. СПб., 1897. Т. 41. С. 5.

<sup>6</sup> При переписях населения крымчаков считали вместе с иудеями.

<sup>7</sup> Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849. Т. 11. Ч. 2. Таврическая губерния. С. 92—110.

составляли 0,6 %, лютеране и реформаторы из числа переселенцев-колонистов — 0,75 %, армяно-григориане — 1 %, караимы — 1 %. Последователи иудаизма, включая крымчаков, составляли 0,7 % населения<sup>8</sup>.

Существенные изменения в соотношении конфессионального состава Крыма произошли после эмиграции мусульманского населения в 1860-1863 гг. и потерь в результате Крымской войны. На 1 января 1866 г. численность населения Крыма сократилась до 225,5 тыс. человек<sup>9</sup>. В численности и процентном соотношении религиозных общин иностранного исповедания также произошли изменения. Процент иноверцев в целом снизился до 60,2 %. При этом римско-католики (включая армяно-католиков) составляли уже 1,9 %, лютеране и реформаторы — 2,9 %, армяно-григориане — 1,7 %, караимы — 3,3 % и последователи иудаизма, включая крымчаков, — 2,9 % населения. Число мусульман снизилось до 48,5 %<sup>10</sup>.

В условиях численного преобладания верующих «иностранного исповедания» в Крыму важной задачей российских властей было юридическое урегулирование отношений с влиятельными общинами «иноверцев». От разрешения данной проблемы зависела дальнейшая политическая ситуация и историческая судьба вновь приобретенной стратегически важной территории Таврики.

Первый шаг по урегулированию проблемы государственно-конфессиональных отношений в Крыму был сделан Екатериной II, которая в Манифесте от 8 апреля 1783 г. гарантировала народам полуострова «...охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную

веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно...»<sup>11</sup>. С предоставлением льгот связан и именной Указ Новороссийскому генерал-губернатору князю Г. А. Потемкину, в котором сказано: «Мы обыкли спокойствие и благоденствие подвластных нам народов поставлять в главный долг Царствования и верховное Наше утешение, не преминем стараться распространить оные в пользу сих подчиненных ныне скипетру Нашему Императорскому народов, при соблюдении неприкосновенно целости их природной веры. Между начальнейшими распоряжениями возлагаем Мы на вас о доходах учредить таким образом, чтоб в сих новоприкосновенных землях надлежащая подати в казну на нужные по тому краю издержки собираемы были, как то: таможенные, с соли с озер продаваемой, с земли вместо поголовных и десятинных с произрастений, наблюдая оные отнюдь не были в тягость народную. Из сих доходов повелеваем определить надлежащее и нескудное содержание мечетям и служащим в оных, школам их и на другия тому подобные полезные дела; на разныя нужныя публичныя здания и особливо на фонтаны для выгоды народной... В службу воинскую сих новых наших подданных никого без собственной его доброй воли и желания не брать и не принуждать...»<sup>12</sup>

Все последующие императоры продолжали веротерпимую политику на полуострове. Многочисленные акты, регулирующие государственно-конфессиональные отношения, изданные в XVIII — первой половине XIX в., были собраны и систематизированы в отдель-

<sup>8</sup> Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 11. Ч. 2. С. 215—216; Государственный архив Республики Крым. Ф. 26. Канцелярия Таврического губернатора. 1803—1917 гг. Оп. 1. Д. 15040. О доставлении в Министерство внутренних дел ведомости о магометанах за 1845 год. Л. 5, 7.

<sup>9</sup> Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. Симферополь, 1867. Вып. 1. С. 270, 352.

<sup>10</sup> Памятная книга Таврической губернии. С. 356.

Приведенные нами цифры, основанные на материалах «Памятной книги...», несколько разнятся с данными Р. А. Старченко (см.: Старченко Р. А. Динамика численности и расселения русских Крыма в XVIII—XIX веках // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2013. Вып. 6. Т. 19. С. 38—41). Это связано с использованием разных источников, а главное, что в его работе в основу положен анализ соотношения по этническому признаку, мы же провели расчеты по конфессиональному.

<sup>11</sup> Манифест Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую державу» 1783 г. // ПСЗРИ. Собр. 1 (далее — ПСЗРИ-1). Т. 21 (1781—1783 гг.). № 15708.

<sup>12</sup> Указ именной от 28 июля 1783 г., данный Новороссийскому генерал-губернатору князю Потемкину, «О принятии крымских жителей и прочих татарских народов в российское подданство» // ПСЗРИ-1. Т. 21 (1781—1783 гг.). № 15798.

ном томе Свода законов Российской империи в период правления Николая I<sup>13</sup>. В Своде учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных подчеркивается, что «в Российском государстве свобода веры присваивается не только христианам иностранных исповеданий, но и евреям, и магометанам, и язычникам»<sup>14</sup>.

Одним из первых документов, регламентирующих устройство, например, мусульманской общины и ее отношение с государственной администрацией, становится Указ от 23 января 1794 г. «О бытии в Таврической области магометанскому духовному правлению, под предводительством муфтия»<sup>15</sup>. Указом устанавливалось содержание духовных лиц из государственной казны, утверждался в должности муфтий, однако подробная регламентация деятельности Магометанского духовного правления отсутствовала. В то же время муфтият сохранял право на вакуфы, обеспечивающие средства на содержание духовных учреждений. Только 23 декабря 1831 г. Николай I утвердил «Положение о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащем ведению его делах», где подробно излагались функции Таврического магометанского духовного правления, его деятельность в рамках законов России и штат<sup>16</sup>. В структуре мусульманской общины сохранились суды кади, функции которых теперь ограничивались лишь решениями споров внутри общины (уммы) и решением дел в области брачно-семейных отношений и наследования.

Необходимо отметить, что данным актом деятельность муфтия и иных духовных лиц была полностью поставлена под контроль Главного управления духовных дел иностранных исповеданий и губернской администрации. Ярким примером являются сам принцип из-

брания духовных лиц и их права. В частности, для избрания высших лиц из числа мусульманского духовенства в г. Симферополе по распоряжению губернского начальства проводилось собрание, в котором принимали участие лица из числа высшего духовенства (муфтий или кади-эскер), приходские чины (хатибы, имамы и муллы), головы волостей мусульманского вероисповедания или депутаты-мусульмане от волостей, мурзы. Одновременно в собрании принимали участие губернский предводитель дворянства, Таврический гражданский губернатор, один член губернского правления и губернский прокурор. Впрочем, последним, если они не являлись мусульманами, предписывалось только наблюдать за ходом и порядком собрания, не вмешиваясь в сам процесс. В соответствии с Положением на место муфтия или кади-эскера избиралось три кандидата из числа наиболее достойных из мусульман, по традиции. Все они проходили проверку на лояльность государству Российскому: «Губернское правительство собирает верные о сих кандидатах сведения, утверждая и представляя с своей стороны лишь тех, кои по происхождению своему, нравственным своим качеством, поведению и несомненной преданности и престолу и закону будут признаны совершенно благонадежными»<sup>17</sup>.

С результатами выборов трех кандидатов на должность муфтия, прилагаемыми послужными списками и мнением губернского начальства, главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий знакомил императора. Только после этого один из кандидатов утверждался в звании Высочайшим именованным указом. Аналогично под контролем чиновников более низкого ранга проходили выборы на иные духовные должности. Учитывая, что постоянный и непосредственный контакт с прихожанами осуществляли муллы, имперские

<sup>13</sup> Собрание законов Российской империи (далее — СЗРИ). Т. 11. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. 264 с.

<sup>14</sup> Уставы духовных дел иностранных исповеданий // СЗРИ. Т. 11. Ч. 1. СПб., 1857. Ст. 3.

<sup>15</sup> Указ от 23 января 1794 г. «О бытии в Таврической области магометанскому духовному правлению, под предводительством муфтия» // ПСЗРИ-1. Т. 23 (1789 — 6 ноября 1796 г.). № 17174.

<sup>16</sup> Положение о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащем ведению его делах // ПСЗРИ. Собр. 2 (далее — ПСЗРИ-2). СПб., 1832. Т. 6. Ч. 2 (1831 г.). № 5033 ; О защите и охране лиц и имущества древних обитателей Тавриды (татар и др. наций) и об учреждении комиссии для разбора старинных земельных дел. 15 сентября 1796 — 15 января 1800 // Канцелярия Таврического областного правления. Ф. 799. Оп. 1. Д. 445. Л. 3.

<sup>17</sup> Об учреждении Таврического магометанского духовного правления // Государственный архив Республики Крым. Ф. 26. Оп. 1. Д. № 7376. Л. 9.



власти наиболее внимательно контролировали их деятельность. Кроме выборов и утверждения в должности на уровне губернатора, обязательной присяги на верность императору, оговаривалось, что муллами могли быть только выходцы из Таврического магометанского духовенства, «по происхождению из его сосояния», что не позволяло проникнуть в данную среду лицам из соседних кавказских регионов или Османского государства<sup>18</sup>. Особо оговаривалась численность мулл при мечетях из расчета один мулла на 200—1 500 верующих мужского пола, имеющих образование не ниже гимназии и в возрасте не моложе 22 лет<sup>19</sup>.

Таким образом, в состав мусульманского духовенства попадали только лица, лояльные российской власти. В целом же Положение обеспечивало законность полицейского контроля деятельности мусульманской общины со стороны губернских чиновников. Следует предположить, что данный контроль осуществлялся через ряд должностных лиц муфтията. Например, секретарь Таврического магометанского духовного правления, должность которого не была связана с духовным званием, избирался губернским правительством, по представлению губернатора и утверждается Главным управлением духовных дел иностранных исповеданий. Иные чиновники и служащие канцелярии назначались и увольнялись губернским правительством по представлению духовного правления. На секретаря возлагались функции контроля за соблюдением законов и данного Положения. Таким образом, судья по обязанностям, секретарь Магометанского духовного правления фактически являлся государственным чиновником.

В более поздних вариантах Положений 1857 и 1897 гг. принципиальных изменений в части выборов не последовало, за исключением дополнительного требования к кандидатам — знание русского языка.

Контроль за деятельностью духовных мусульманских учреждений, который мог вызвать недовольство, компенсировался их содержанием, включая довольно крупные должностные оклады священнослужителей

из государственной казны, освобождение от налогов и существенные льготы в области налогообложения в целом всех «таврических мусульман». Одновременно в Положении, как мы отмечаем, широко оговаривались права мусульманского духовенства. Им принадлежало неограниченное право определять порядок богослужения, проведения обрядов, управление мечетями, текие, медресе и вакуфными землями. Соответственно, в вопросах, касающихся религии и культа, они также оставались независимы.

Само Положение, если учесть, что речь идет о первой половине XIX в., бесспорно, было прогрессивным даже для Европы. Уникальным, на наш взгляд, было то, что в нем оговаривалось сохранение таких традиционных мусульманских институтов, как суды кадията, предусматривались должности кадия и регулировалась деятельность мусульманских судов параллельно со светской судебной системой Российской империи.

В частности, в § 4 отмечается, что «Таврическое магометанское духовенство имеет право также рассматривать и решать по своему закону дела о частной собственности, возникающие по завещаниям, или при разделе имений между наследниками, но тогда только, когда участвующие в сих делах магометане просят о сем и примут беспрекословно объявленное им решение. Разделы, в сем случае совершаемые, утверждаются в надлежащем присутственном месте». В § 14 и 17 среди высшего духовенства упоминаются не только муфтий и кади-эскер, но и кадии Симферопольского, Феодосийского, Перекопского, Евпаторийского и Ногайского уездов. «Уездные кадии рассматривают и решают все возникающие в порученных им уездах или округах дела по определенному в сем положении порядку, на основании духовных магометанских законов». Основные направления духовно-юридической практики Правления нашли отражение и в Уставах 1857, 1896 и 1913 гг.<sup>20</sup> В соответствии с ними в ведении Духовного правления находились дела о заключении и расторжении браков, о неповиновении детей родителям,

<sup>18</sup> Тур В. Г. Привилегии мусульман Таврической губернии (по архивным материалам XIX в.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь : КО ИВ НАНУ, 2007. № 13. С. 504—506.

<sup>19</sup> Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 103.

<sup>20</sup> Хутько Т. В. Магометанский духовный суд в Таврической губернии (конец XVIII — первая половина XIX ст.) // Проблемы законности. 2013. № 124.

о спорах по завещаниям и разделе наследства. Дела разбирались исходя из положений шариата в рамках, предоставленных российскими властями. Собственно, в Духовном правлении дела рассматривались после их предоставления хатибами, имамами, муллами или обществами только после предварительного заключения кадий в уездах.

Если учесть, что шариат в исламе тотален по своему значению и регламентирует всю жизнь мусульманина, то признание за кадиями права решать на основе мусульманского права гражданские споры среди верующих подчеркивает исключительное уважение российских властей к обычаям, религиозным нормам мусульман. Тем более, что регулированию правовых отношений в исламе уделяется особое внимание. Так, например, большинство так называемых мединских аятов в Коране и другие источники в шариате посвящены урегулированию именно правовых отношений.

Следует оговорить, что Положение предполагало только добровольное желание подданных. В обратном случае или если юридические проблемы выходили за пределы указанных выше отношений, все подданные Таврической губернии, независимо от вероисповедания, в делах гражданских, административных и уголовных подпадали под действие общих законов России. За государственными органами сохранялось право высшей инстанции в спорах, если поступали жалобы на деятельность Таврического магометанского духовного правления или духовенства.

При этом мусульманскому духовенству были предоставлены судебные преимущества. Если мусульмане, избранные на духовные должности, подвергались суду гражданского, то дела, касающиеся муфтия и кади-эскера, рассматривались на уровне Сената, а решение (приговор) утверждалось непосредственно императором, уездные кадии подлежали суду Уголовной палаты, а приговор утверждался Сенатом. Только дела, касающиеся приходских чинов, рассматривались в уездном суде и, поступив в Уголовную палату, утверждались на общем основании. Таким образом, высшее духовенство было защищено от возможного давления и произво-

ла со стороны местных властей. Соответственно, все лица, имеющие духовное звание, не могли подвергаться телесным наказаниям.

Упомянутым Положением оговаривались правила пользования и строительства культовых, связанных с культом и религиозными традициями зданий. Одновременно данный вопрос регламентировался Уставом строительным 1836 г.<sup>21</sup> В частности, Таврическое магометанское духовное правление отвечало за должное содержание мечетей и мусульманских учебных заведений. Однако строение новых мечетей допускалось только с разрешения губернского правительства. При этом учитывались следующие нормы и требования: наличие у общины проекта здания и должных средств как на строительство, так и на содержание. Основанием для разрешения строительства являлось проживание не менее 300 верующих-мусульман или не менее 200 верующих мужчин. При этом, если в селении был христианский храм, проект должен был согласовываться с епархиальным правлением, что позволяло избежать проблем во время культовых мероприятий. Что касается мусульманских учебных заведений, то они могли создаваться в каждом населенном пункте независимо от численности его населения, но при наличии согласия общества и средств на их содержание.

Кроме того, в Положении о Таврическом магометанском духовном правлении подробно расписывается порядок принятия решений, отчетности, делопроизводства. Надо отметить, что права мусульман не только не уступали, но во многом превосходили права даже христианского населения Крыма. В документе неоднократно упоминается об особых правах, дарованных императорской властью таврическому татарскому народу.

Для изучения истории мусульман Крыма и их правового положения в составе Российской империи представляет интерес группа сохранившихся архивных документов, касающихся льготного налогообложения и повинностей крымских татар-мусульман в конце XVIII — начале XIX в. Данные материалы оказались среди материалов канцелярии таврического губернатора<sup>22</sup>. Судя по докладу таврического граждан-

<sup>21</sup> Российский государственный исторический архив. Ф. 82. Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 8 (1833—1914 гг.). Иудейское и магометанское исповедание. Д. 743. Л. 27—28.

<sup>22</sup> О прибытии гражданского губернатора в Одессу, для представления императору мнения по случаю обложения татар податями и о смерти его, губернатора, постигшей на пути в Армянском базаре // Государственный архив Республики Крым. Ф. 26. Оп. 1. Д. № 5376. Л. 7—10.

ского губернатора А. Н. Баранова, к 1821 г. подати, взимаемые с крымских татар-мусульман, были значительно сокращены даже по сравнению с указами Екатерины II. Они ограничивались сборами на отопление войск, дислоцированных на территории губернии. Так, проводя сравнительный анализ размера податей, собираемых с различных категорий жителей, губернатор писал, что с казенных русских крестьян собирается подать подушная, оброчная, на устройство больниц, государственных дорог, а также развитие судоходства на общую сумму 11 руб. 30 коп. Кроме того, поселяне и крестьяне несли подушные денежные повинности на поддержание перевозов, дорог и устройство верстовых столбов (22¼ коп.), содержание почт (95¼ коп.), канцелярии предводителя дворянства (81 коп.), волостных правлений и судов (20% — 32¼ коп.). В общей сложности денежная подать с поселян и государственных крестьян, по нашим подсчетам, составляла более 13 руб. 60 коп. Кроме того, с 1821 г. дополнительно вводились сборы на ремонт и строительство воинских зданий, ремонт мостов и иных общественных сооружений, освещение караульных постов на общую сумму 99½ коп. При этом только сборы на содержание волостных правлений были сокращены до 18¼ коп., не считая рекрутской и постоянной повинностей. Например, только на содержание каждого рекрута в губернии крестьяне вносили сумму в 1 000 руб.

Между тем крымские татары-мусульмане выплачивали со всего двора (так как подушная подать воспринималась как признак рабства и не допускалась шариатом) единственную подать на отопление войск в сумме 2 руб. 50% коп., были освобождены от постоянной, рекрутской и иных повинностей. Если исходить из того, что в среднем татарская семья насчитывала не менее трех мужчин, даже не учитывая упомянутые повинности, сумма подушного сбора была почти в 17 раз меньше, чем представителей иных народов и вероисповеданий.

Таким образом, российским законодательством были предоставлены достаточно широкие права таврическому мусульманскому ду-

ховенству, а мусульманское население Крыма пользовалось обширными льготами.

Говоря о католических общинах Крыма, которые существовали на полуострове на момент его присоединения к России, следует отметить, что таковой являлась только армяно-католическая, которая требовала адаптации к правовой системе Российской империи. Миссия ордена иезуитов была ликвидирована еще в 1740 г.<sup>23</sup> Кроме армяно-католиков, остальные представители католического сообщества появились на полуострове в процессе его освоения при Екатерине II и ее преемниках. После восстаний в Польше 1830—1860-х гг. в Крыму число католиков выросло за счет ссыльных или беглых поляков.

Стремление российского правительства расширять контакты со странами Европы определяло терпимое отношение к католическим религиозным общинам в империи. Манифестом Екатерины II от 30 октября 1794 г. католики получили права на неограниченное публичное вероисповедание и законное владение своим имуществом. Как и в большинстве конфессий иностранных вероисповеданий, священники содержались за счет государственных средств и обязались давать присягу на верность и подданническое повиновение<sup>24</sup>.

Однако национально-освободительное движение в Польше, поддержанное католическими священниками, изменило ситуацию в сторону ужесточения контроля государства за деятельностью российской католической церкви и сокращения ее контактов с Римской курией. С целью ослабления влияния папы на российские католические общины в 1782 г. была открыта Белорусская (Могилевская) католическая архиепископия во главе с С. Сестренцевичем, при котором учреждалась консистория. Под давлением России папа 10 декабря 1783 г. был вынужден возвести С. Сестренцевича в ранг архиепископа, а позднее в сан митрополита. В 1798 г. был утвержден «Регламент для церквей и монастырей римско-католического исповедания в России», которым они были переподчинены архиереям, что противоречило правилам римско-католической церкви<sup>25</sup>.

<sup>23</sup> Мурзакевич Н. Н. Пребывание иезуитов в Крыму // Записки Одесского общества истории и древностей. 1860. Т. 4. С. 466—467.

<sup>24</sup> Указ «О разделении Великого княжества Литовского на три части и образе управления оными» // ПСЗРИ-1. Т. 23 (1789 — 6 ноября 1796 г.). № 17264.

<sup>25</sup> Регламент для церквей и монастырей римо-католического исповедания в России // ПСЗРИ-1. Т. 25 (1798—1799 гг.). № 18733—18734.



Немногочисленные католические общины Таврической губернии не имели своего центра и были оторваны от непосредственного влияния митрополии. Только при Николае I Риму удается добиться от российских властей учреждения новой епископской кафедры с центром в Херсоне, которая должна была объединить многочисленные католические общины немецких и польских колонистов, сосредоточенных в Саратовской, Новороссийской и Таврической губерниях, Бессарабии и на Кавказе. Однако открытие кафедры в Херсоне вызвало бурное противодействие православного архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия, опасавшегося усиления католического влияния в регионе. Ему удалось добиться переноса кафедры католического епископа в небольшой городок Тирасполь, где, как оказалось, отсутствовал даже католический приход.

Назначение первого Херсонского (Тираспольского) епископа Фердинанда Кана произошло 20 (или 24) мая 1850 г. с согласия российского императора. Причем им была принесена архиерейская присяга, обычная для имперской России, когда главой религиозной общины в целом признавался правитель государства. Осенью 1852 г. понтифик официально переименовал епархию в Тираспольскую, но ее центром городок так и не стал. Ф. Кан для устройства епископской кафедры избрал город Саратов, где существовали крупные немецкая и польская католические общины<sup>26</sup>. В то же время определенное недоверие к римско-католическому духовенству сохранялось. Это следует из ст. 47 «Свода учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных». Отмечалось, что «никакие буллы, послания и наставления римского двора не могут быть приводимы в действие в империи, Царстве Польском и Великом княжестве Финляндском без Высочайшего Его Императорского Величества разрешения, испрашиваемого министром внутренних дел по предварительному удостоверению, что сии акты не заключают в себе ни-

чего противного государственным постановлениям и священным правам и преимуществам Верховной самодержавной власти».

Все римско-католического исповедания епархиальные управления и духовенство, кафедральное, приходское, монастырское и служащее в разных частях гражданского, военного и морского управления, получали содержание из государственного казначейства, и из процентов особого, в ведении министра внутренних дел состоящего капитала, по штатам и другим положениям «сообразно с потребностями места и лиц и приличное сану и степени каждого». На должности назначались только российско-подданные, получившие соответствующее богословское образование, а в ряде случаев и ученую степень<sup>27</sup>. Интересно, что в разделе «О управлении духовных дел христиан римско-католического исповедания» было подчеркнуто, что «...лицам римско-католического духовенства строго запрещено в своих поучениях, произносимых в церквях, касаться предметов политических, даже в общих выражениях, или издавать сочинения о делах политических и особенно об относящихся до внутреннего государственного правления»<sup>28</sup>. Католические монастыри не могли использовать земли, населенные крепостными иного вероисповедания, а духовенству было запрещено пересылать за границу свои сбережения из полученных доходов<sup>29</sup>.

В то же время аналогично с православными и мусульманами римско-католические священнослужители получили широкие полномочия в судебной практике. В их ведении были не только дела внутрицерковные, они также рассматривали жалобы на духовных и светских лиц, если таковые поступали в консисторию, решали спорные дела между духовными лицами, касающиеся движимых или недвижимых имуществ, в отношении светских лиц — семейно-брачные дела и дела наследования. Если же рассматриваемое дело выходило за рамки предусмотренных Уставом наказаний церковных и морально-нравственных, то оно

<sup>26</sup> Кумор Б. Российский конкордат от 3 августа 1847 г. и создание Тираспольской епархии // Чаплинский Б. История церкви в России. СПб., 2000. С. 124—128; Лиценбергер О. А. Римско-католическая и Евангелически-лютеранская церковь в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII — нач. XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005. 488 с.

<sup>27</sup> Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. СПб., 1857. Ст. 47, 49, 91.

<sup>28</sup> Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 54.

<sup>29</sup> Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 91, 112.

передавалось в светский суд с обязательным участием в процессе депутата от римско-католического духовенства<sup>30</sup>.

Армяно-католики Крыма были подчинены российским католическим иерархам латинского обряда. Еще в 1778 г. вместе с другими христианами они покинули Крымский полуостров<sup>31</sup>. Высочайшей грамотой от 14 ноября 1779 г. им были предоставлены широкие льготы при размещении в г. Новомосковске Екатеринославской губернии и иных местах компактного проживания<sup>32</sup>. Этим же актом предписывалось «учредить ратушу, которую назвать католическим судом». В 1780 г. был создан Новомосковский римского закона суд. Таким образом, армяно-католическая община получила право «в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям избираемыми из вас по жребию начальниками, коим и пользоваться чинами и жалованием по штату Азовской губернии, и быть под апелляцией наместнического правления»<sup>33</sup>. Однако уже в 1787 г. большинство армяно-католических семей вместе с православными греками и прихожанами Армянской апостольской церкви получили официальное разрешение от правителя Таврической области Г. А. Потемкина вернуться в Крым. Из рапорта Новомосковского римского закона суда от 15 сентября 1789 г. следует, что Указом Екатеринославского наместнического правления «велено оному суду жительствующим в г. Новомосковске армян переселить в Таврическую область»<sup>34</sup>. Общая численность переселенцев составила 796 человек, из них католиков 348. К 1800 г. числен-

ность Карасубазарской армяно-католической общины выросла до 1 100 чел, а к концу XIX в. насчитывала около 11 тыс. человек<sup>35</sup>.

Переселенцы, вернувшись на родину, были размещены в Карасубазаре, где был учрежден Армянский магистрат и Суд римско-католического закона<sup>36</sup>. Оба учреждения выполняли роль органов самоуправления. В частности, Карасубазарский римско-католический суд с момента его открытия находился в прямом подчинении Таврического областного правления и Таврической казенной палаты, что наделяло его особым статусом. Члены магистрата и суда содержались из казны государства, в отличие от аналогичного учреждения армяно-григориан в Старом Крыму. Актом от 12 июня 1800 г. (№ 2974) предписывалось, что «города Карасубазара жителей римско-католического закона купцов и мещан на основании высочайшей грамоты от покойной государыни императрицы Екатерины II в 14 день ноября 1779 г. на разные права и преимущества им пожалованной и Его Императорским Величеством в 18 день апреля 1800 г. утвержденной... под ведением и правлением сего суда находиться, который один имеет над ними во всем свои распоряжения, не входит никто из прочих тамошних жителей греческого, татарского, еврейского и другого звания в их дела... и к повинностям не привлекались»<sup>37</sup>. Армяно-католическая община, подведомственная Карасубазарскому римско-католическому суду, таким образом, получала обширные привилегии. Однако льготы на выплату податей и отправление повинностей

<sup>30</sup> Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 60, 64.

<sup>31</sup> Тур В. Г. Особенности возрождения армяно-католической общины Карасубазара в конце XVIII в. // МАИЭТ. 2009. № 15. С. 564.

<sup>32</sup> Жалованная грамота вышедшим из Крыма христианам римско-католического закона в Азовскую губернию на поселение // ПСЗРИ-1. Т. 20 (1775—1780 гг.). № 14943.

<sup>33</sup> Ревин К. И. Возникновение и деятельность Карасубазарского римско-католического суда // Кримський юридичний вісник. 2010. № 1 (8). Ч. 2. С. 277—286.

<sup>34</sup> Дело о переселении армян // Государственный архив Республики Крым. Ф. 799. Оп. 1. Д. 191. Л. 1. С. 59—64.

<sup>35</sup> Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. Симферополь, 1897. С. 116.

<sup>36</sup> Об учреждении судов в завоеванных местах Екатеринославской губернии греками, армянами и католиками и о штате чинов для отправления пограничных дел // ПСЗРИ-1. Т. 21 (1781—1783 гг.). № 15700; Хутько Т. В. Основные направления деятельности Карасубазарского римско-католического суда // Ученые записки Таврического нац. ун-та имени В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2012. Т. 25 (64). № 1. С. 332—341.

<sup>37</sup> О пожалованных Карасубазарскому обществу привилегий на право преимущества города Карасубазара // Государственный архив Республики Крым. Ф. 179. Оп. 1. Д. 51. Л. 11—12.

распространялись на «людей, причислившихся к Карасубазарскому армяно-католическому закону обществу до 30 января 1804 г.», что следует из доклада на Государственном совете министра юстиции графа В. Н. Панина от 9 сентября 1852 г.<sup>38</sup> Кроме исполнения судебных функций, данное учреждение наделялось правом выдачи свидетельств на право торговли и промыслов, билетов на торговые и промышленные заведения купцам и мещанам армяно-католического вероисповедания, а также паспортов для выезда из области сроком до года. Отчеты предоставлялись в губернскую канцелярию. К области фискальной деятельности суда относился сбор налогов и податей, предусмотренных законом<sup>39</sup>. Таким образом, армяно-католики Крыма, как и таврические мусульмане, получили право иметь органы самоуправления, которые во многом регламентировали деятельность общины.

Армяно-григорианской общине (Армянская апостольская церковь) во время переселения в 1778 г. также были выделены земли в районе Екатеринослава. Тем не менее из-за их малопригодности к ведению традиционного хозяйства армяне массово переселились в низовья Дона, основав там город Нор-Нахичеван. В последующем часть армяно-григориан, как и армяно-католиков, возвратилась в Крым. Центром их заселения в начале XIX в. становится Старый Крым. Рядом находилась и святыня армян — древний монастырь Сурб-Хач. К середине XIX в. численность армяно-григорианской общины увеличилась до 4 тыс. человек. Старокрымская община пользовалась правом внутреннего самоуправления, предоставленного грамотами 1779 и 1799 гг. Учитывая, что среди армянского населения Таврической губернии значительное число составляли ремесленники и купцы, со временем армяно-григориане расселяются по наиболее крупным городам Крыма, прежде всего в Феодосии, Евпатории и Симферополе<sup>40</sup>.

С 1812 г. в Крыму была учреждена должность наместника католика всех армян, а сама община включена в состав Нахичевано-Бессарабской армяно-григорианской епархии<sup>41</sup>. Но уже в 1842 г. вместо наместника католика в Крыму вводится должность главного попечителя крымских армянских церквей.

В Старом Крыму 28 июля 1808 г. в соответствии с грамотой Павла I, по аналогу с Карасубазаром, также была открыта армянская городская ратуша. Это позволило «учредить собственный армянский суд под именем магистрата и в нем рассматривать и решать дела тяжёлые и исковые на армянском языке по прежнему народа сего правам и обыкновениям...»<sup>42</sup>. Деятельность членов ратуши осуществлялась на общественных началах. Из средств общины оплачивалась лишь работа писаря, двух канцелярских служащих, рассыльного и сторожа.

Армяно-григорианская и армяно-католическая ратуши являлись органами внутреннего самоуправления. Правомочность ратуш и судов ограничивалась лишь обществами в Старом Крыму и Карасубазаре. Она не распространялась на армянские общины, возникшие в других городах Крыма. Таким образом, самые крупные общины армяно-григориан и армяно-католиков Крыма в местах их компактного проживания, как и таврические мусульмане, получили право иметь органы самоуправления, которые во многом регламентировали их деятельность.

В части межконфессиональных отношений между двумя армянскими общинами следует упомянуть о группе документов, относящихся к 1793 г. Прежде всего это переписка Иосифа, архиепископа всех армян Апостольской церкви в России, с чиновниками различных рангов. Основная задача этих писем — добиться поддержки государственным аппаратом в вопросе недопущения принятия католицизма армянами Апостольской церкви. В письмах отмечает-

<sup>38</sup> Дело о представлении в Таврическую казенную палату именного списка всех мещан-армян, причисленных в ведомство Карасубазарского римско-католического суда до 1804 г. // Государственный архив Республики Крым. Ф. 179. Оп. 1. Д. 340. Л. 1—2.

<sup>39</sup> Материалы о работе римско-католического суда за 1864 г. // ГАРК. Ф. 179. Оп. 1. Д. 293. Л. 106.

<sup>40</sup> Тур В. Г. Религиозные общины Крыма первой половины XIX века: численность и правовое положение // Судакский Парнас-III : Международная историко-краеведческая литературная конференция 10—14 сентября 2016 г. Итоги. Феодосия, 2016. С. 6—23.

<sup>41</sup> Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 961.

<sup>42</sup> Жалованная грамота на права, преимущества и вольности Обществу армян Старого Крыма // ПСЗРИ-1. Т. 25 (1798—1799 гг.). № 19168.

ся расширяющаяся практика перехода армян из Апостольской церкви в армяно-католическую и требование — препятствовать этим тенденциям, вплоть до высылки за пределы Крыма лиц, принявших католицизм<sup>43</sup>.

В результате переселенческой политики в первой половине XIX в. конфессиональный состав Крыма пополнился протестантскими общинами Евангельско-лютеранской и Реформаторской церквей, которые в основном были представлены колонистами из Германии и Швейцарии. Пользуясь значительными экономическими льготами от российского правительства, правом на самоуправление, освобождением от рекрутской повинности и иными преимуществами, им удалось создать целый ряд преуспевающих хозяйств. В Манифесте от 13 февраля 1798 г. «О установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам» подчеркивалось: «Всем переселенцам, какого бы закона ни были, дозволяется в городах и селах строить храмы и церкви для богослужения по обряду каждой религии, заводить школы и училища для наставления юношества...»<sup>44</sup>. Вопреки пожеланию Екатерины II прежде всего заселить города Феодосию и Евпаторию, переселенцы предпочли районы предгорья и побережья. Возникло восемь колоний в Симферопольском (Нейзац, Фриденталь, Розенталь, Кроненталь) и Феодосийском (Гейльбрун, Су-дак, Герценберг, Цюрихталь) уездах.

В то же время, в отличие от других конфессий, протестанты не имели на полуострове этнических корней и не могли претендовать на какие-либо преимущества в религиозной сфере. Деятельность религиозных общин колонистов регулировалась Уставом Евангельско-лютеранской церкви и Постановлением «О управлении духовных дел евангельско-реформатских обществ»<sup>45</sup>. Таврические приходы входили в округ Санкт-Петербургской консистории<sup>46</sup>. Что до выборных в общинах

проповедников, то они пользовались правами личного дворянства, но могли быть только из подданных Российского государства, принявших соответствующую присягу.

Общины реформаторской церкви, в соответствии с постановлением, были подчинены Вилленскому евангельско-реформаторскому синоду и коллегии. Пасторы и старосты общин были выборными и пользовались более широкой внутрицерковной самостоятельностью<sup>47</sup>.

Протестантские институты, наряду с самоуправлением, получили право суда по делам внутриконфессиональным, семейно-брачным и иным вопросам морально-этических отношений в общине. В Уставе была выделена гл. 8 «О судопроизводстве в консисториях», в которой подробно дается перечень преступлений и нарушений, которые могут рассматривать комиссии, уточняется, какие дела передаются в присутственные места, подробно расписаны процессуальные нормы ведения следствия и суда как по внутрицерковным делам, так и по частным заявлениям и жалобам.

В то же время протестантским проповедникам и пасторам, аналогично духовенству католическому, предписывалось «в речах своих всемерно избегать неуместных рассуждений о предметах, не касающихся религии, особенно же о современных политических происшествиях и принимаемых по оным правительством мерах, и не дозволять себе никаких укоризненных выражений насчет других вер и народов». Духовным и светским лицам из числа протестантских общин предписывалось чтобы «не дозволяли себе нарушать, каким бы то ни было образом, доброго согласия с прочими, в государстве свободно существующими религиями»<sup>48</sup>.

Иудаизм в Крыму был представлен тремя основными этноконфессиональными группами: евреями, исповедующими традиционный иудаизм раввинитской ветви, крымчаками и караимами. Первая группа евреев-раввинистов на протяжении веков сформировалась из

<sup>43</sup> О запрещении армянам переходить в католичество // Государственный архив Республики Крым. Ф. 799. Канцелярия Таврического областного правления. Оп. 1. Д. № 323. Л. 1—28.

<sup>44</sup> О установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании различных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам // ПСЗРИ-1. Т. 25 (1798—1799 гг.). № 18373.

<sup>45</sup> Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Книга 2. О управлении духовных дел христиан протестантского исповедания.

<sup>46</sup> Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 434.

<sup>47</sup> Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 795—800.

<sup>48</sup> Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Ст. 675, 670.



переселенцев, прежде всего из Европы. После присоединения полуострова к России община пополнилась за счет так называемых польских евреев. Второй группой являются крымчаки — субэтническая тюркоязычная группа, которая также исповедовала иудаизм раввинитского толка. Крымчакская община имеет в Крыму более древние корни, сформировалась из многочисленных переселенцев. В отличие от традиционного иудаизма, имела общий для крымских общин молитвенник, получивший название «Молитвенник ритуала Кафы». Представители обеих общин проживали, как правило, в городах. Но крымчакская община в основном была сосредоточена в Карасубазаре. Несмотря на многие общие черты, как в происхождении, так и в религиозной догматике, данные общины, как правило, не смешивались. В то же время в Российском государстве различий между ними не делалось. Обе общины попадали под действие Положения о евреях, утвержденного 13 апреля 1835 г.<sup>49</sup> Роль крымчакской общины как некоего единого социального организма в конце XVIII — XIX в. разрушается. В Карасубазаре, где была сосредоточена основная часть крымчаков, было учреждено Карасубазарское еврейское мещанское общество, представленное в городской ратуше бургомистром и ратманом<sup>50</sup>. Попытки получить привилегии крымчакской общине по образцу караимов завершились неудачей, и они оставались в равных правах с иудеями-раввинистами, в основном выходцами из Польши, несмотря на различия языка и элементов культа<sup>51</sup>.

В отличие от иудеев-раввинистов, более крупной общине караимов удалось добиться от российских властей признания их отличия от иных групп, исповедующих иудаизм. При этом одним из основных аргументов являлся факт непризнания Талмуда. Еще в 1795 г. Екатерина II освободила караимов, число которых к этому времени достигало 2 400 человек, от уплаты наложенного на евреев налога и разрешила приобретение земельной собственности.

В частности, они были освобождены от сбора рекрутских денег, был облегчен постой<sup>52</sup>. Кроме того, в Указе предписывается четко отделять караимов от евреев. Неравенство перед законом положило начало процессу отчуждения между общинами, которые были близки по вере. В 1827 г. караимы Крыма были освобождены от воинской повинности. Всего к середине XIX в. в Таврической губернии уже проживало около 5 тыс. караимов. По аналогии с крымскими мусульманами было создано Таврическое караимское духовное правление во главе с гахамом. 8 апреля 1863 г. был принят новый закон, в котором оговаривалось, что «караимы, находясь под покровительством общих законов Российской империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию к которому кто из них принадлежит»<sup>53</sup>. Несмотря на различия, следует отметить, что в вопросах вероисповедания и культовой практики иудеи из числа евреев-раввинистов, крымчаков и караимов не имели ограничений, пользовались равными правами с иными религиозными общинами иностранных вероисповеданий, что определялось законодательством<sup>54</sup>.

Подводя итоги, следует отметить, что, несмотря на то, что Свод законов Российской империи содержал более тысячи статей, охранявших права «первенствующей» Православной церкви, после присоединения Крыма к России правительство проводило в Таврической области, а позже губернии, гибкую этноконфессиональную политику в отношении преобладавших по численности «иноверцев». Екатерина II строго придерживалась данных обязательств сохранять обычаи, веру и храмы жителей Крыма. С этой целью для мусульман и караимов учреждались духовные правления, для армянских этнорелигиозных общин — магистраты. Перечисленные структуры наделялись многочисленными функциями, включая даже судебное производство в рамках внутриконфессиональных вопросов и регулирования

<sup>49</sup> Высочайше утвержденное Положение о евреях. 13 апреля 1835 г. // ПСЗРИ-2. СПб., 1856. Т. 10. № 8054.

<sup>50</sup> Ачкинази И. В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь: Дар, 2000. С. 82.

<sup>51</sup> Ачкинази И. В. Указ. соч. С. 87—89.

<sup>52</sup> Об увольнении таврических евреев, именуемых караимы, от положенных на всех вообще евреев двойных податей // ПСЗРИ-1. Т. 23 (1789 — 6 ноября 1796 г.). № 17340.

<sup>53</sup> Прохоров Д. А. Караимское население Таврической губернии в конце XVIII — начале XX в. // Таврические студии. 2011. Вып. 1.

<sup>54</sup> Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Книга 4. О управлении духовных дел евреев. Ст. 1060—1116.

гражданских правоотношений. В ряде случаев в юрисдикцию этих судов входили даже отдельные аспекты коммерческой деятельности. Таким образом, этнорелигиозные общины, сформировавшиеся в Крыму до присоединения к России, во многом сохранили более широкие формы самоуправления и привилегии по сравнению с иными регионами Российской империи.

Одновременно российское законодательство наделило католические и протестантские общины, имевшие центры за пределами полуострова, и сформировавшиеся уже в конце XVIII — начале XIX в., также рядом привилегий, способствовавших притоку колонистов и экономическому развитию полуострова. Священнослужители крупнейших общин находились на государственном обеспечении или им предоставлялись льготы в рамках социального положения. Фактически в вопросах права на свободу вероисповедания и осуществления

культы между религиозными организациями иностранного исповедания принципиальных различий не существовало. Правительство России в Крыму демонстрировало религиозную терпимость и толерантность.

Вместе с тем императорская власть требовала от священнослужителей присяги на верность, строгого подчинения государственным учреждениям и осуществляла всесторонний контроль над деятельностью религиозных организаций, регламентировала порядок выборов, отчетность и даже переписку. Следует подчеркнуть, что благодаря столь продуманной российской политике в религиозной сфере, на протяжении XIX в. в Крыму фактически отсутствовали как межконфессиональные, так и государственно-конфессиональные конфликты. Если таковые и возникали, то были связаны с социальными или внешнеполитическими событиями, но без религиозной составляющей.

#### БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ачкинази И. В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. — Симферополь : Дар, 2000. — 192 с.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. — СПб., 1849. — Т. 1. — Ч. 2 : Таврическая губерния. — 298 с.
3. Вольтер Ф. М. Трактат о терпимости. — Серия «Великие идеи». — М. : Эксмо-Пресс, 2016. — 128 с.
4. Вольтер Ф. М. Статьи из «Философского словаря» // Философские сочинения / пер. с фр. ; Ин-т философии. — Серия «Памятники философской мысли». — М. : Наука, 1996. — 560 с.
5. Кумор Б. Российский конкордат от 3 августа 1847 г. и создание Тираспольской епархии // Чаплинский Б. История церкви в России. — СПб., 2000. — С. 124—128.
6. Лиценбергер О. А. Римско-католическая и Евангелически-лютеранская церковь в России : сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII — начало XX в.) : дис. д-ра ист. наук. — Саратов, 2005. — 488 с.
7. Локк Дж. Послание о веротерпимости. 1686 // Сочинения : в 3 т. — М. : Мысль, 1988. — Т. 3. — 668 с.
8. Мурзакевич Н. Н. Пребывание иезуитов в Крыму // Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1860. — Т. 4. — С. 466—467.
9. Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом. — Вып. 1. — Симферополь, 1867. — 520 с. ; 1897. — 208 с.
10. Прохоров Д. А. Караимское население Таврической губернии в конце XVIII — начале XX в. // Таврические студии. — 2011. — Вып. 1.
11. Ревин К. И. Возникновение и деятельность Карасубазарского римско-католического суда // Кримський юридичний вісник. — 2010. — № 1 (8). — Ч. 2. — С. 277—286.
12. Родионов М. Статистико-хронологическое описание Таврической епархии : общий и частный обзор. — Симферополь, 1872. — 269 с.
13. Сафонов С. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы : исторический очерк // Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1844. — Т. 1. — С. 205—236.
14. Старченко Р. А. Динамика численности и расселения русских Крыма в XVIII—XIX веках // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. — 2013. — Вып. 6. — Т. 19. — С. 38—41.
15. Таврическая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. — СПб., 1897. — Т. 41. — 344 с.

16. Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. — 368 с.
17. Хутько Т. В. Магометанский духовный суд в Таврической губернии (конец XVIII — первая половина XIX ст.) // Проблемы законности. — 2013. — № 124.
18. Хутько Т. В. Основные направления деятельности Карасубазарского римско-католического суда // Ученые записки Таврического нац. ун-та имени В. И. Вернадского. — Серия «Юридические науки». — 2012. — Т. 25 (64). — № 1. — С. 332—341.

*Материал поступил в редакцию 5 января 2017 г.*

### STATE CONFSSIONAL RELATIONS IN CRIMEA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

**TUR Viktor Grigor'evich** — PhD in History, Senior Researcher, Honored Worker of Education of the Republic of Crimea, Associate Professor of the Department of State and Law Theory and History of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice (RGUP)  
vgtur@mail.ru  
295006, Russia, Crimea, Simferopol, ul. Pavlenko, d. 5, kv. 310

**Abstract.** *Due to the annexation of the Crimea to Russia in 1783, the peninsula saw a problem of the peaceful integration of the population in the legal field of the Empire. Considering that the peninsula of the end of XVIII — first half of the XIX centuries can be characterized by the dominance of the communities of the so-called religions of “foreign confessions”, the peace and prosperity on the peninsula largely depended on good legislative solutions in the field of government/religious relationship.*

*Among the first acts of 1783, which laid the foundation of interethnic and interfaith peace, there was a Manifesto of Catherine II “On the Adoption of the Crimean Peninsula, Taman’ Island and whole Kuban’ to the Russian State” and the Decree for the name of the Novorossiysk General-Governor Prince Potemkin “On the Adoption of the Crimean Residents and other Tatar Peoples to the Russian Citizenship”. In fact, all further acts were aimed at the implementation of these safeguards, improvement of state-confessional relations on the peninsula. An important document systematizing various acts concerning the activities of non-orthodox religious organizations in Russia became “Charters of Spiritual Affairs of Foreign Confessions” by Nicholas I.*

*As a result, through religious and communal authorities, acting in contact and under the supervision of the Provincial governance structures, through the preservation of traditions and customs, a number of measures aimed at economic and cultural development of the peninsula, the authorities of the Empire were able to achieve in the Crimea not only peace and harmony, but the devotional service of the throne subjects.*

*The proposed article is devoted to the study of government/religious relationship in Taurida Province.*

**Keywords:** *Russian Empire, Crimea, religious organizations, legal status, foreign religion communities, legislation.*

### REFERENCES

1. Achkinazi I. V. Krymchaki. Istoriko-etnograficheskii ocherk [Krymchaks. Historical-ethnographic essay]. 2000. Simferopol: DAR. 192 p.
2. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii [Military statistical review of the Russian Empire]. Volume XI. Part 2. The Taurida Province. 1849. St. Petersburg. 298 p.
3. Voltaire F.-M. Traktat o terpimosti. Seriiia «Velikie ideii» [The Treatise on Tolerance. Series “Great ideas”]. 2016. Moscow: Eksmo-Press. 128 p.
4. Voltaire F.-M. Stat’i iz “Filosofskogo slovaria” [Articles from “Philosophical dictionary”. Philosophical Writings]. Transl. from French. In-t of philosophy. 1996. Moscow: Nauka. 560 p. (Landmarks of philosophical thought).
5. Kumor B. Rossiiskii konkordat ot 3 avgusta 1847 g. i sozdanie Tiraspol’skoi eparkhii [Russian concordat of 3 August 1847 and the establishment of the Tiraspol diocese] in Chaplinskii B. Istoriia tserkvi v Rossii [History of the Church in Russia]. 2000. St. Petersburg. P. 124—128.

6. *Litsenberger O. A.* Rimsko-katolicheskaia i Evangelicheski-liuteranskaia tserkov' v Rossii: sravnitel'nyi analiz vzaimootnoshenii s gosudarstvom i obshchestvom ( XVIII nach. KhKh vv.): Dis. d-ra istor. Nauk [The Roman Catholic and the Evangelical Lutheran Church in Russia: a comparative analysis of relations with the state and society ( XVIII beginning of the XX centuries). Doctoral Degree Thesis]. 2005. Saratov. 488 p.
7. *Locke J.* Poslanie o veroterpimosti. 1686. Sochineniia v trekh tomakh: t. 3 [The message of religious tolerance. 1686. Compositions in three volumes: Vol. 3]. 1988. Moscow: Mysl'. 668 p. (Philosophy. Heritage. Vol. 103). P. 91—134.
8. *Murzakevich N. N.* Prebyvanie iezuitov v Krymu [ Residency of the Jesuits in the Crime]. ZOOID [Notes of the Odessa History and Ancientry Society]. 1860. Vol. 4. P. 466 — 467.
9. Pamiatnaia kniga Tavricheskoi gubernii izdanaia Tavricheskim gubernskim statisticheskim komitetom [The memorable book of Taurida Province issued by the Tauride gubernia statistics committee]. 1897. Simferopol. 208 p.
10. *Prokhorov D. A.* Karaimskoe naselenie Tavricheskoi gubernii v kontse XVIII — nachale XX v. [The Karaite population of the Taurida province in the late XVIII — early XX century]. Tavricheskie studii [The Taurida studios]. Vol. 1. 2011. Crimean University of culture, arts and tourism. Available at: <http://kukiit.ru/docs/ts/no1/20.pdf> (Accessed: 15.12.2016).
11. *Revin K. I.* Vozniknovenie i deiatel'nost' Karasubazarskogo rimsko-katolicheskogo suda [The occurrence and activity of Karasubazar Roman Catholic court]. Krymskii yuridichnii vestnik [Crimean Law Bulletin]. 2010. No. 1 (8). Part 2. P. 277—286.
12. *Rodionov M.* Statistiko-khronologo-istoricheskoe opisanie Tavricheskoi eparkhii. Obshchii i chastnyi obzor [Statistical and chronological historic description of the Taurida diocese. General and Special Review]. 1872. Simferopol. 269 p.
13. *Safonov S.* Ostatki grecheskikh legionov v Rossii ili nyneshnee naselenie Balaklavy. Istoricheskii ocherk [The remains of the Greek legions in Russia or the current population of Balaklava. Historical sketch]. ZOOID [Notes of the Odessa History and Ancientry Society]. 1844. Odessa. Vol. 1. P. 205—236.
14. *Starchenko R. A.* Dinamika chislennosti i rasseleniia russkikh Kryma v XVIII-XIX vekakh [The dynamics of the population and resettlement of the Russian Crimea in XVIII-XIX centuries]. Zhurnal Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova [Bulletin of the Nekrasov Kostroma State University]. Issue No. 6. Vol. 19. 2013. P. 38—41.
15. Tavricheskaia guberniia. Pervaia vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii, 1897 g. [The Taurida Province. The First General Census of the Russian Empire Population. 1897]. Vol. 41. St. Petersburg. 344 p.
16. *Tikhonov A. K.* Katoliki, musul'mane i iudei Rossiiskoi imperii v poslednei chetverti XVIII — nachale XX v. [Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of XVIII — early XX century]. 2008. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 368 p.
17. *Khut'ko T. V.* Ustavy dukhovnykh del inostrannykh ispovedanii. Magometanskii dukhovnyi sud v Tavricheskoi gubernii (konets XVIII pervaiia polovina XIX st.) [Mohammedan spiritual court in Taurian province (the end of XVIII first half of XIX century)]. Problemy zakonnosti [Problems of law]. 2013. No. 124. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/magometanskiy-duhovnyy-sud-v-tavricheskoy-gubernii-konets-xviii-pervaya-polovina-xix-st> (Accessed: 15.01.2017).
18. *Khut'ko, T. V.* Osnovnye napravleniia deiatel'nosti Karasubazarskogo rimsko-katolicheskogo suda [Main directions of activity of Karasubazar Roman Catholic court]. Uchenye zapiski Tavricheskogo nats. un-ta im. V.I.Vernadskogo [Scientific notes of Taurida National University named after V. I. Vernadskii]. Issue: Legal Science. 2012. Vol. 25 (64). No. 1. P. 332—341.